
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2020. № 2 (436). Экономические науки. Вып. 68. С. 9–20.

УДК 338
ББК 65.209.1

DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10201

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. С. Баринев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Предпринимается попытка научного осмысления концепции теневой экономики. Отдельное внимание уделяется рассмотрению того, как теневая экономика стала самостоятельной научной областью в современной научной литературе. С учётом хронологического порядка проанализированы ключевые работы по данной теме и представлена их значимость с точки зрения вклада в понимание теневой экономики. В частности, выделены и проанализированы методы измерения теневой экономики, которые оказали существенное влияние на развитие данной предметной области. Сделан вывод, что сегодня теневая экономика стала самостоятельным научным направлением со своей терминологией и методами исследований.

Ключевые слова: *ненаблюдаемая экономика, история теневой экономики, неформальная занятость, неформальный сектор.*

Теневая экономика как отдельное самостоятельное научное направление стала формироваться во второй половине XX в. Эта область научного знания связана с изучением проблем, на которые классическая экономическая наука долгое время не обращала должного внимания. Считалось, что различные теневые виды деятельности являются пережитком недоразвитости стран. Однако, как оказалось, скрытая, неучтённая, незаконная и противоправная деятельность является неотъемлемой частью любой экономики вне зависимости от её уровня развития. И неслучаен тот факт, что период повышенного внимания к теневой экономике пришёлся во многих развитых странах на 1970–1980 гг. Именно в этот временной отрезок развитые капиталистические страны испытывали существенные проблемы в социально-экономическом плане, а теневая экономика в некоторой степени позволяла найти отсутствующие ответы, давала возможность найти компромисс между разными противоборствующими политическими силами.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть в хронологическом порядке становление концепции теневой экономики в современной науке. Это является актуальной задачей, так как исследования теневой экономики сегодня в полной мере стали отдельным научным направлением со своими теоретическими и методологическими особенностями, поэтому представляет научный

интерес рассмотреть, как это направление складывалось в течение времени.

Прежде всего следует отметить, что исследуемый объект в рамках теневой экономики не наблюдаем прямыми статистическими способами в силу разных причин. Именно это накладывает определённый отпечаток как на методологию исследований, так и на теоретическую часть. Так, например, такой терминологической путаницы, как вокруг определения теневой экономики, сложно отыскать в другой области экономической науки. Это связано во многом с отсутствием каких-либо статистических данных, указывающих прямым образом на масштабы скрытой деятельности.

С чего же именно началось развитие этого направления? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Если попробовать разделить время на определённые этапы, на которых происходило изучение теневой экономики, то можно выделить период до начала 1970-х гг. и после. Первый этап характеризуется тем, что изучение теневой экономики не имело самостоятельной основы, а было по большей части отрывистым, неотделимым от других объектов исследования. Следующий этап уже обрёл самостоятельность и признание не только в научном сообществе, но и в целом в мире.

До 1970-х гг. работы по изучению тех или иных аспектов теневой экономики были немногочисленны. В основном они затрагивали рассматриваемую

проблематику косвенно, не придавая ей особого значения.

Первую попытку научного осмысления данной предметной области можно найти в работах К. Э. Боулдинга, опубликованных им в 1944–1947 гг. [10]. Им была разработана известная классическая модель теневого рынка, или так называемая модель Боулдинга, которая описывала отклонение кривых спроса и предложения. Но эти исследования были выполнены в чисто теоретическом плане без подкрепления эмпирическим материалом, и можно предположить, что по этой причине они не получили должного внимания.

Кроме того, в своих работах К. Э. Боулдинг исследовал объект, который непосредственно был связан с военным регулированием экономики во время Второй мировой войны. Поэтому многие экономисты того времени полагали, что с прекращением войны исчезнет сам объект исследования. Можно добавить, что данное отношение к теме теневой экономики можно списать на отсутствие эмпирического материала, явно свидетельствующего о наличии теневого сектора.

Примерно в это же время выходят работы известного американского криминолога Э. Х. Сатерленда, посвящённые анализу преступников в белых воротничках [31].

Э. Сатерленд на основе анализа решений судов и комиссий, вынесенных против 70 крупнейших промышленных и торговых корпораций США, пришёл к выводу, что, несмотря на явно преступную деятельность сотрудников этих крупных компаний, они не получили соответствующие наказания в рамках уголовного процесса. Только 9 % от неблагоприятных решений судов для корпораций были квалифицированы как преступления [6, с. 45–46]. По остальным делам был выбран другой вид наказания.

По мнению Э. Сатерленда, бизнесмены занимают особое положение в обществе, и судьи в большей степени предпочитают не рассматривать предпринимателей в качестве преступников. Он считает, что корпорации имеют больше возможностей защищать себя в судебном процессе, чем другие преступники, в силу финансовых возможностей, политического влияния [6, с. 54–59].

В своей концепции Э. Сатерленд рассматривал представителей класса «белых воротничков», например, предпринимателей, политиков, юристов и др., как особую опасность для общества. По его мнению, «белые воротнички» осуществляют противоправные деяния со значительным

ущербом обществу, чем обычные преступники. Это связано с тем фактом, что такое систематическое нарушение закона может происходить в течение десяти или более лет. Поэтому последствия таких преступлений оказывают на общество как постоянный, так и отложенный негативный эффект во времени.

Другой известный экономист, который предпринял попытку исследовать преступность с позиций экономической теории, был Г. Беккер [8]. По причине того, что теневая экономика является сложным, многогранным явлением со своими особенностями, направление, развиваемое Г. Беккером, сформировалось в отдельное. Впоследствии оно получило название «экономика преступности» или «экономика преступлений и наказаний».

Ключевая и в то же время прорывная идея Г. Беккера состояла в том, что поведение преступников следует рассматривать не только с позиции криминологии, но и с позиции рационального объяснения их деятельности. До этого считалось, что преступники действуют иррационально, но в сущности индивид при совершении противоправной деятельности руководствуется теми же принципами, что и хозяйственник, работающий в рамках правового поля. Иными словами, лицо, совершающее уголовно наказуемое деяние, руководствуется аналогичным принципом максимизации своей полезности или, в данном случае, дохода.

В результате такого пересмотра взглядов на преступность криминальная деятельность стала объясняться с помощью категорий прибылей, издержек, расходов, а это даёт простор для дальнейшего анализа и выработки мероприятий по борьбе. Как отмечает Ю. В. Латов, данный подход позволил по-новому взглянуть на проблему преступности, понять, что мир организованной преступности можно рассматривать как сеть фирм, производящих запрещённые законом товары и услуги и стремящихся контролировать рынок [4, с. 30]. Впоследствии Г. Беккер был удостоен Нобелевской премии по экономике за расширение области применения микроэкономического анализа к широкому кругу проблем человеческого поведения.

Следует отметить, что хотя работа Г. Беккера и посвящена лишь исследованию преступной деятельности, но она дала весомый повод научному сообществу пересмотреть свои взгляды на данную проблематику. Это означает, что криминальная активность стала объектом научного осмысления, а это в некоторой степени было толчком к признанию существования теневой экономики.

На данном этапе можно выделить ещё одну работу, новизна которой опередила своё время на несколько десятилетий, но по ряду причин не получила широкого охвата. Это связано прежде всего с тем, что работа Ф. Кагана, вышедшая в 1958 г., частично затрагивала проблематику теневой экономики, так как основная часть исследования была сконцентрирована на изучении других вопросов, связанных с соотношением наличных денег к денежной массе [13].

Работа Ф. Кагана характерна тем, что её автора можно признать первым, кто смог оценить косвенным методом размер теневой экономики на основе данных США. По его расчётам, размер теневой экономики США в послевоенные годы находился в диапазоне 10–12 % от ВВП [13, с. 314]. Спустя некоторое время П. Гутманн повторит расчёты Ф. Кагана и его работа [22] вызовет широкий резонанс не только в американском обществе, но и во многих развитых странах.

Первым значимым моментом на пути к всеобщему признанию существования теневой деятельности как самостоятельного научного направления, стала предложенная К. Хартом концепция неформального сектора [23]. Её автор был первым, кто сформулировал понятие неформальности в качестве противопоставления формальным видам деятельности.

Свою концепцию К. Харт выработал в результате полевых исследований экономической реальности в Африке в конце 1960-х гг. В 1971 г. К. Харт выступил с презентацией своей концепции неформального сектора на конференции, а её участниками были в том числе сотрудники Международной организации труда (МОТ), которые заинтересовались его концепцией. В следующем году МОТ организовала миссию в Кению по изучению занятости и по результатам исследования опубликовала коллективное исследование, в котором была сформулирована концепция неформальной экономической деятельности [25]. Спустя ещё год вышла известная статья К. Харта [23].

Концепция К. Харта получила широкий резонанс по причине того, что в тот период развитые страны испытывали известные трудности с обеспечением устойчивого экономического развития. Затяжной спад в высокоразвитых капиталистических странах и неспособность тогдашней экономической парадигмы справиться с ситуацией обуславливали необходимость в концепции, которая давала бы возможность использовать альтернативные способы воздействия на экономику. В итоге иссле-

дование К. Харта попросту оказалось в нужном месте и в нужное время [12, с. 1036].

В совокупности наличие этих условий и своевременность обеспечили идею К. Харта высокое внимание. При этом параллельно с ним были опубликованы статьи других авторов по той же тематике [35; 36], но они не получили такого широкого внимания. По мнению Р. Бромли, эти авторы не имели такой стартовой площадки, как К. Харт, в виде крупных конференций и свои работы опубликовали в периодических малоизвестных на то время изданиях в Европе и Северной Америке.

При формулировании понятия «неформальный сектор» К. Харт исходил из той точки зрения, что предприятия, поддающиеся статистическому учёту, составляют «современный сектор» городской экономики, а остальные — избегающие учёта — и формируют неформальный сектор. Противопоставление неформального сектора формальному позволяет охватить те виды экономической деятельности, которые по определённым причинам выпадают из государственного контроля. К тому же, как определение, «неформальный сектор» лучше описывает ту экономическую реальность, которую Харт наблюдал в ходе своих исследований в Гане [23, с. 68–70].

В видении Харта можно отметить важную особенность, что скрытая деятельность является сложной многоуровневой системой, со внутренними определёнными взаимосвязями и структурой. С одной стороны, существуют возможности получения дохода в рамках закона, то есть регистрируя свою деятельность и соблюдая действующее законодательство, с другой стороны, существуют возможности извлечения дохода, как соблюдая закон, но скрывая свою деятельность от государства, так и нарушая закон и скрывая деятельность от государства. Иными словами, К. Харт смог в первом приближении наметить структуру теневой экономики, которая будет раскрыта и уточнена в последующих исследованиях, и выделить ключевые принципы разграничения теневой экономики по её элементам.

Главная заслуга К. Харта заключается в том, что он смог вызвать широкий интерес к неформальной занятости. Позже это направление станет активно развиваться не только в научных кругах, но и активно поддерживаться МОТ, что в результате приведёт к отдельному, даже самостоятельному направлению по изучению только неформальной занятости.

Следующий значимый этап в этом научном направлении начинается с работ конца 1970-х гг., посвящённых разработке косвенных методов оценки теневой экономики. Здесь уместно выделить исследования П. Гутмана [22], Э. Файга [16] и В. Танзи [32]. Благодаря этим учёным научное сообщество поняло: то, что скрыто, может быть измерено и оценено. Именно с этого момента поток литературы, в которой обсуждались те или иные вопросы и проблемы, связанные с ненаблюдаемой, неофициальной, скрытой экономикой, стал расти лавинообразно. И по сегодняшний день ситуация кардинально не изменилась.

Во многом это можно объяснить тем, что, несмотря на отсутствие в статистике прямых свидетельств существования теневой экономики, появилась возможность на основе этих данных отследить так называемые следы скрытой деятельности [19]. Любая теневая деятельность так или иначе оставляет своего рода следы, и учёные поняли, что некоторые макроэкономические показатели несут в себе информацию, анализ которой позволяет выйти на относительные размеры теневой экономики. В частности, попытки такого анализа предприняли процитированные выше авторы.

До публикации П. Гутмана считалось, что теневая экономика свойственна только развивающимся странам и является пережитком времени на пути развития страны до уровня высокоразвитых. Поэтому первые исследования неформальной занятости происходили не в благополучных странах, а в странах третьего мира.

В своей работе П. Гутман, опираясь на исследование Ф. Кагана [13], предпринял попытку оценки «подземной» экономики США (в терминах П. Гутмана)¹. Его расчёты опирались на следующие четыре предположения:

- 1) в теневой экономике используются исключительно наличные деньги для совершения трансакций;
- 2) скорость обращения денег в официальной и неофициальной экономике одинакова;
- 3) существует базовый период, в котором размер теневой экономики незначителен или близок к нулю (в качестве такого периода были выбраны 1937–1941 гг.);
- 4) соотношение наличных денег к депозитам, наблюдавшееся в базовом периоде, осталось бы

¹ При этом Гутман в своей работе не ссылался на исследование Ф. Кагана, хотя использовал схожий метод.

неизменно в последующие года, если бы не рост теневого сектора экономики.

В результате оценка П. Гутмана составила 9,4% от ВВП в 1977 г. Впоследствии подход, использованный Гутманом, в научной литературе получил название метод Гутмана.

Спустя два года Э. Файг опубликовал свою работу [16], в которой раскритиковал некоторые базовые предположения Гутмана и предложил альтернативный метод оценки скрытого сектора США, но основанный на схожих предположениях. По мнению Файга, расчёты Гутмана носили заниженный характер и в итоге им было получено более высокое значение размеров теневой экономики — 19,1 и 26,6% в 1976 и 1978 гг. соответственно [18, с. 10]. В дальнейшем способ оценки, предложенный Файгом, также получил название метод Файга. Детали технической части процедуры оценки теневой экономики методом Гутмана и Файга представлены в работах [34], [14].

Оценка Э. Файга теневой экономики США в те годы вызвала сильный резонанс в американском обществе. Об этом говорит тот факт, что её обсуждению было посвящено слушание экономического комитета Конгресса США. Именно существенное различие между двумя расчётами обусловило такой интерес к теневой экономике.

Спустя год вышла работа В. Танзи [32], в которой он предложил метод оценки теневой экономики, ставший классическим в данном научном направлении и получивший название метод спроса на деньги (сокр. CDA, от англ. — *currency demand approach*). В отличие от предыдущих авторов Танзи предложил более удачный метод в том смысле, что он смог избавиться от предположения отсутствия теневой экономики в каком-то базовом периоде. Это является существенным моментом, так как в недавнем исследовании [21] было показано, что предположение Гутмана и Файга об отсутствии теневой экономики в базовом периоде неверно. В этом исследовании её авторы оценили динамику теневой экономики на основе метода спроса на деньги для Норвегии, Швеции, Великобритании и США на временном интервале с 1870 по 2014 г. По их расчётам, размер теневой экономики США в 1937 г. составил 18,8%.

Ключевая идея метода спроса на деньги состояла в том, что налоговая нагрузка является определяющим фактором развития теневой экономики. В. Танзи полагал, что наличные деньги являются надёжным индикатором при расчёте размеров скрытого сектора экономики. Поэтому в основе

его модели лежит соотношение наличных денег к денежной массе (C/M_2), к которому применил регрессионный анализ. Спецификация его модели [32; 33] выглядит следующим образом:

$$\ln\left(\frac{C}{M_2}\right) = \beta_0 + \beta_1 \ln(1 + TW) + \beta_2 \ln\left(\frac{WS}{NI}\right) + \beta_3 \ln(R) + \beta_4 \ln(Y) + \varepsilon, \quad (1)$$

где C/M_2 — отношение наличных денег к денежной массе; TW — средневзвешенная налоговая ставка; WS/NI — отношение общей заработной платы рабочих к национальному доходу; R — процентная ставка по сберегательным счетам (депозитам); Y — доход на душу населения; ε — ошибки.

Для расчёта теневой экономики В. Танзи исходил из того, что раз деятельность в тени использует наличные деньги, а её побудительным фактором является налоговая нагрузка, то необходимо оценить, сколько было бы необходимо экономике денег в условиях низкой налоговой нагрузки или близкой к нулю. На основе этого предположения и после расчётов всех коэффициентов возле независимых переменных Танзи осуществил повторный их расчёт, обнуляя при этом переменную TW . Дальнейшая процедура сводится к следующим простым преобразованиям [32, с. 446]:

$$Z_t = \ln\left(\frac{\hat{C}}{M_2}\right)_t = \ln(\hat{C})_t - \ln(M_2)_t, \quad (2)$$

где Z_t — получаемое из модели значение для соотношения $\ln(C/M_2)$; \hat{C} — расчётное значение наличных денег в t -период.

Преобразуем уравнение (2) в следующий вид:

$$\ln(\hat{C})_t = Z_t + \ln(M_2)_t \quad (3)$$

и далее получаем

$$\hat{C}_t = \exp(Z_t + \ln(M_2)_t). \quad (4)$$

После преобразований рассчитывается разница между расчётным значением наличных денег в условиях налоговой нагрузки и расчётным значением наличных денег в условиях отсутствия налоговой нагрузки. Получаемая разница указывает на то, сколько наличных денег используется в теневой экономике, а последующее её умножение на скорость обращения денег даёт оценку теневого сектора в экономике. Соответственно, в соотношении к ВВП получается относительный размер теневой экономики. Таким образом, В. Танзи пришёл к оценке в 5–6 % от ВВП США в конце 1970-х гг., которая значительно отличается от оценок Гутмана и Файга (таблица).

Сравнительная таблица результатов оценки теневой экономики разными монетарными методами

Год	Оценка доли теневой экономики в США, % от ВВП		
	П. Гутман	Э. Файг	В. Танзи
1976	9,4	13,2–21,7	5,49
1978	–	25,5–33,1	5,27

Источник: для столбца 2 — [22], 3 — [16], 4 — [33].

Значимость работ этих трёх учёных состоит в том, что они показали возможность научного осмысления теневой экономики. Предложенные ими методы создали необходимый резонанс в научном сообществе, тем самым дали мощный толчок к развитию этого направления. Результатом этого стало то, что в последующие два десятилетия были предложены все основные методы теневой экономики, что является важным шагом на пути к признанию существования теневой экономики.

После рассмотренных выше публикаций методы измерения теневой экономики стали обогащаться. Так, например, в работе Б. Фрея и Х. Век-Ханнемена [20] был предложен метод ненаблюдаемой переменной. Разработанная впоследствии на его основе модель получила название MIMIC (сокр. от англ. — *multiple indicator multiple cause*). Этот метод стал одним из наиболее активно используемых в международных исследованиях теневой экономики. Его суть заключается в том, что теневая экономика является ненаблюдаемой переменной, в отношении которой отсутствуют статистические данные. Однако статистические данные есть в отношении детерминантов и индикаторов теневой экономики. В результате предполагается, что с их помощью можно оценить относительное изменение теневой экономики. Поэтому метод ненаблюдаемой переменной является в некотором смысле более гибким и универсальным, так как в модели можно учесть целый ряд факторов, влияющих на теневую экономику, и индикаторов, которые косвенно отражают теневую экономику.

Основные недостатки данного метода состоят в том, что результаты предложенной MIMIC-модели неустойчивы к внесению незначительных изменений, будь то удаление из выборки одной страны или сокращение временного ряда и т. д. [24]. Кроме этого, оценки, получаемые этим методом, являются относительными изменениями, не выраженными ни в каких единицах. Иногда эти изменения также называют индексом

МІМІС-модели. Этот индекс показывает только направление изменения теневой экономики, а для получения оценок в процентах от ВВП используют процедуру калибровки, суть которой можно свести к использованию внешней оценки теневой экономики в качестве некоторой точки отсчёта. Именно этот пункт является одним из наиболее спорных и дискуссионных [11; 17], так как применение различных внешних оценок может привести к противоречащим результатам. Следует отметить, что чаще всего в качестве внешней оценки используют результаты, полученные при помощи метода спроса на валюту.

Чуть позже был предложен ещё один популярный подход, основанный на предположении, что потребление электроэнергии отражает общую экономическую динамику как в официальной, так и в теневой экономике. На основе этого базового предположения были разработаны метод Кауфмана — Кэлиберда [28] и метод Ласко [29]. Впоследствии эти методы получили название физические методы.

Логика данного метода заключается в том, что изменение ВВП практически зеркально дублируется на потреблении электроэнергии, так как всякое предприятие связано с использованием электричества для обеспечения своей деятельности. Следовательно, показатель электропотребления несёт информацию также о теневом секторе экономики, так как скрыть объём потреблённого электричества гораздо сложнее, чем вести неучтённую бухгалтерию.

На основе двух базовых физических методов была предложена модифицированная модель общего электропотребления (сокр. от англ. *MTE*) [15]. Если метод Кауфмана — Кэлиберда и метод Ласко давали в некоторой степени аномальные результаты [18], то результаты метода МТЕ близки к оценкам других методов.

В итоге в научной литературе наибольшую популярность с точки зрения надёжности результатов получили именно три рассмотренных метода: метод спроса на валюту, МТЕ и МІМІС.

Главной отличительной чертой этого периода является то, что учёные уделяли пристальное внимание методам в ущерб теоретической части. Эта ситуация неудивительна, так как появление возможности измерить то, что считалось ранее неизмеряемым в силу скрытости от государства, вызывало неподдельный интерес со стороны учёных. Впоследствии это подверглось критике, так как поиск «магического числа», соответствующего

размеру теневой экономики в процентах от ВВП, без предоставления экономической теории, объясняющей детерминанты и структуру теневой экономики, привёл экономистов в тупик [34, с. 387]. Как отмечал Дж. Томас, сами оценки без подкрепления теорией не давали однозначных ответов, так как неясно, например, что важнее: абсолютный размер, относительное значение или же скорость изменения теневой экономики во времени [Там же].

Следующая работа, которая оказала существенное влияние на понимание теневой экономики, была выполнена Эрнандо де Сото и вышла в 1986 г. [7]. Де Сото смог на основе собранного им массива эмпирического материала показать, что институты оказывают не меньшее влияние на развитие скрытого сектора экономики. По его мнению, именно законы определяют основные стимулы юридических и физических лиц скрывать свою экономическую деятельность [7, с. 152–153]. Тем самым де Сото фактически ввёл в научное осмысление теневой экономики методы институционального анализа, что по своей сути является значимым.

Вклад в понимание теневой деятельности, который внесла работа де Сото, без преувеличения огромен. Не претендуя на полный её разбор, укажем основные моменты.

Де Сото выделил три ключевых отличия между законопослушным и внезаконным предпринимателем.

1. Нелегальная деятельность обременена специфическими издержками, которые де Сото определил, как цена внезаконности. Её суть заключается в том, что владелец внезаконного бизнеса экономит на несоблюдении закона, но несёт затраты, связанные с уклонением от соответствующих наказаний [7, с. 191]. Риск быть обнаруженным выступает главным ограничителем для деятельности во внезаконной сфере. Вследствие этого такой бизнес менее капитализирован.

2. Внезаконный бизнес так же, как и официальный, несёт бремя финансирования общественного бюджета. Де Сото считает, что, несмотря на несоблюдение законов, предприятия теневого сектора связаны по трём каналам с финансированием легальных институтов:

- *Косвенное налогообложение.* Здесь подразумевается, что полного разделения между легальным и нелегальным сектором экономики нет, поэтому теневой сектор также вынужден платить косвенные налоги. В качестве примера де Сото приводит теневой транспорт, кото-

рый является главным плательщиком налога на бензин [7, с. 190]. Иными словами, теневой бизнес платит косвенные налоги всякий раз, когда что-то приобретает у легальных предпринимателей.

- *Инфляция.* Теневой бизнес по понятной причине является заинтересованной стороной в наличных деньгах. Если государство прибегает к использованию инструмента сеньораж, то это, как правило, приводит к росту среднего уровня цен. В итоге предприятия теряют покупательную способность своих денег, так как доступ к услугам банковского рынка у них ограничен. Следовательно, теневой сектор в косвенной форме передаёт ресурсы в легальный сектор.

- *Различие в процентных ставках.* Де Сото в своём исследовании приходит к выводу, что предприятия теневого сектора переплачивают за кредиты и займы, которые они вынуждены брать на теновом банковском рынке.

3. Предприятия теневого сектора выигрывают у легального бизнеса на сумму издержек, связанных с соблюдением налогового и трудового законодательства, но при этом проигрывают на размер издержек, обусловленных использованием низкотехнологического и малопродуктивного оборудования [7, с. 196]. По результатам исследования де Сото оценивает производительность теневых предприятий как лишь треть от производительности предприятий в легальном секторе [7, с. 216].

Де Сото показал, что ведение деятельности в тени сопряжено с издержками не только для самих предприятий, но и для экономики и общества в целом. Это связано с тем, что теневой бизнес не имеет доступа к эффективно действующей правовой системе, которая бы защищала их права на собственность. В итоге он вынужден обеспечивать защиту своих прав, дублируя институты, выполняющие функции правовой системы [7, с. 197]. Исходя из этого де Сото делает три значимых вывода:

1. Отсутствие эффективной защиты прав собственности уменьшает общую инвестиционную активность в стране. Когда внезаконный бизнес не имеет возможности защитить свои права собственности, он в меньшей мере заинтересован вкладывать деньги в какие-либо инвестиционные проекты [7, с. 198]. Именно гарантированное обеспечение защиты прав собственности от всевозможных незаконных посягательств обеспечивает приток инвестиций. Таким образом размер

теневого сектора экономики оказывает пассивное влияние на инвестиционную активность в стране.

2. Отсутствие беспрепятственного отчуждения прав собственности влечёт за собой снижение общей мобильности собственности и ухудшение отдачи от использования факторов производства. Это прямым образом сказывается на общей эффективности бизнеса, так как теневики не могут использовать свой капитал наилучшим образом в соответствии с принципами максимизации прибыли. В результате ограничения мобильности собственности снижается общая производительность труда в стране [7, с. 199].

3. Дублирование институтов защиты прав собственности приводит к общему снижению эффективности [Там же]. По причине того, что государство не может в полной мере дать своим гражданам надёжные права собственности, обеспечить эффективные средства для их организации и передачи [7, с. 220], страдает общая инновационная активность в экономике. Это происходит в силу того, что хозяйствующие субъекты лишаются стимулов к модернизации и совершенствованию своей деятельности, поэтому значительная доля теневого сектора прямым образом влияет на эффективность и конкурентоспособность экономики.

Таким образом, де Сото в своём исследовании смог показать, что теневая экономика имеет внутреннюю противоречивость. Она заключается в том, что, с одной стороны, сокрытие деятельности для хозяйствующих субъектов является способом сохранить свои конкурентные позиции на рынке, а для граждан является способом повысить уровень доходов за счёт неуплаты налогов и обеспечить достойный уровень жизни. С другой стороны, теневой сектор экономики может стать тормозом для экономического развития страны [7, с. 216].

Следующий этап в становлении концепции теневой экономики следует связывать с началом 1990-х гг. К этому времени в мире пришло понимание необходимости и важности статистического учёта скрытой деятельности. Было окончательно признано, что теневой сектор экономики присутствует в том или ином размере в любой стране мира вне зависимости от её государственного строя, уровня социально-экономического развития, прогрессивности национального законодательства. Поэтому стало ясно, что теневая экономика может оказывать негативное влияние на надёжность статистических данных и, следовательно, затрудняет проведение внутренней экономической политики.

Сначала на международном уровне было закреплено понятие неформального сектора. В 1991 г. прошла конференция европейских статистиков, на которой обсуждались проблемы, связанные с измерением неформального сектора. Через два года состоялась 15-я Международная конференция статистиков труда (МКСТ), на которой также были затронуты проблемы статистики занятости в неформальном секторе. По итогам этой конференции была принята резолюция [26], в которой отразились методологические положения по измерению неформальной занятости. В марте 1993 г. Статистическая комиссия ООН приняла решение о включении некоторых частей названной выше резолюции в систему национальных счетов (СНС-1993). В итоге это перевело понятия «неформальный сектор», «неформальная занятость» и др. в статус официальных. Эта концепция имела свои недостатки (подробнее см.: [1, с. 78–113]), поэтому в 2002 г. прошла очередная, 17-я Международная конференция статистиков труда. По результатам её работы предложена обновлённая концепция неформальной занятости [27].

В то же время была предложена целостная концепция теневой экономики, но при этом статистиками был выбран в качестве главного понятия для данного феномена термин «ненаблюдаемая экономика». Это объясняется тем, что для статистических ведомств было необходимо выработать унифицированное и не имеющее негативного оттенка понятие. Соответственно, для практических целей было решено использовать понятие «ненаблюдаемая экономика» [5, с. 28–31]. Впоследствии статистические ведомства стали использовать именно данное определение.

Согласно [30], структура ненаблюдаемой экономики выглядит следующим образом:

– теневая экономика или теневое производство определяются как виды экономической деятельности, которые являются производственными и законными, но намеренно скрываются от органов государственной власти в целях уклонения от уплаты налогов или следования законодательным нормам [3, с. 43–44];

– незаконная экономика или незаконное производство определяются как виды экономической деятельности, которые связаны с производством товаров и услуг, запрещённых национальным законодательством, или которые являются незаконными, если их производство осуществляется без получения соответствующего разрешения [3, с. 44–45];

– неформальная экономика или производство неформального сектора определяются как виды экономической деятельности, осуществляемые некorporированными предприятиями в секторе домашних хозяйств, которые не зарегистрированы и/или размер которых по количеству занятых меньше установленного порогового значения и которые ведут рыночное производство [3, с. 45–47]. При этом такие предприятия не являются юридическими лицами и не ведут бухгалтерский учёт [2, с. 87];

– домашний сектор или производство в домашнем хозяйстве определяются как виды экономической деятельности, в результате которых домашние хозяйства потребляют или капитализируют произведённые ими же товары и услуги [3, с. 48];

– остальные виды деятельности, которые не могут быть учтены статистическими органами вследствие недостатка информации/сведений [Там же].

Следует отметить, что даже такая структура не является универсальной и всеохватывающей. Это связано с тем, что она не охватывает криминальные виды деятельности. К тому же формы проявления ненаблюдаемой экономики многообразны, так как каждый элемент предложенной структуры взаимосвязан друг с другом. Наглядно это можно представить следующим образом:

Схема ненаблюдаемой экономики [9, с. 37]

Таким образом, в начале XXI в. концепция теневой экономики обрела не только разнообразные методы её измерения, но и сформировалась некоторая теоретическая база. В частности, закреплена

на официальном уровне структура теневой экономики, предложены определения каждого из её элементов, а последние исследования в большей степени сконцентрированы на изучении причин и особенностей её развития.

Подводя итог всему сказанному выше, хотелось бы заключить, что становление концепции теневой экономики прошло весьма длинный период времени. Эта область экономической науки имеет присущие только ей уникальные черты, которые отличают её от других областей научного знания. Исследователи, занимающиеся изучением теневой экономики, вынуждены иметь дело с объектом,

который не наблюдаем прямыми статистическими способами. Это накладывает особый отпечаток на методологию исследований и на теоретическое осмысление теневой экономики. В результате это вынуждает учёных предлагать нестандартные методы измерения теневой экономики, допуская зачастую предпосылки, которые не всегда соответствуют действительности.

Сегодня изучение теневой экономики с полной уверенностью можно признать самостоятельным научным направлением, проблематика которого не утратит своей актуальности в будущем, поэтому развитие этого направления будет продолжаться.

Список литературы

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. — 535 с.
2. Иванов, Ю. Ненаблюдаемая экономика в странах СНГ / Ю. Иванов // Вопр. экономики. — 2009. — № 8. — С. 86–95.
3. Измерение ненаблюдаемой экономики : руководство. — М. : ОИПД ГМЦ Госкомстат России, 2003. — 295 с.
4. Латов, Ю. В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики / Ю. В. Латов. — М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. — 284 с.
5. Рябушкин, Б. Т. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики / Б. Т. Рябушкин, Э. Ю. Чурилова. — М. : Финансы и статистика, 2003. — 144 с.
6. Сатерленд, Э. Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? / Э. Х. Сатерленд // Социология преступности: (соврем. буржуазные теории) : сб. ст. / пер. с англ. А. С. Никифорова и А. М. Яковлева. — М. : Прогресс, 1966. — 366 с.
7. Сото, Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. — М. : Catallaxy, 1995. — 320 с.
8. Becker, G. Crime and Punishment: An Economic Approach / G. Becker // Journal of Political Economy. — 1968. — Vol. 76, № 2.
9. Bernabè, S. Informal Employment in Countries in Transition: A conceptual framework / S. Bernabè. — London : London School of Economics, 2002. — 64 p.
10. Boulding, K. E. A Liquidity Preference Theory of Market Prices / K. E. Boulding // *Economica*. — 1944. — Vol. 42, № 11. — P. 55–63.
11. Breusch, T. The Canadian underground economy: An examination of Giles and Tedds / T. Breusch // *Canadian Tax Journal*. — 2005. — Vol. 53, № 2. — P. 367–391.
12. Bromley, R. Introduction — the urban informal sector: Why is it worth discussing? / R. Bromley // *World Development*. — 1978. — Vol. 6, № 9/10. — P. 1033–1039.
13. Cagan, P. The Demand for Currency Relative to the Total Money Supply / P. Cagan // *Journal of Political Economy*. — 1958. — Vol. 66, № 4. — P. 303–328.
14. Cichocki, S. Metody pomiaru szarej strefy / S. Cichocki // *Gospodarka Narodowa*. — 2006. — Vol. 205, № 1–2. — P. 37–61.
15. Eilat, Y. The Shadow Economy in Transition Countries: Friend or Foe? A Policy Perspective / Y. Eilat, C. Zinnes // *World Development*. — 2002. — Vol. 30, № 7. — P. 1233–1254.
16. Feige, E. L. How big is the irregular economy? / E. L. Feige // *Challenge*. — 1979. — Vol. 22, № 5. — P. 5–13.
17. Feige, E. L. Reflections on the Meaning and Measurement of Unobserved Economies: What do we really know about «Shadow Economy»? / E. L. Feige // *Journal of Tax Administration*. — 2016. — Vol. 2, № 2. — P. 5–41.

18. Feige, E. L. Estimating the Size and Growth of Unrecorded Economic Activity in Transition Countries: A Re — evaluation of Electric Consumption Method Estimates and Implication / E. L. Feige, I. Urban. — Michigan : W. Davidson, 2003. — 37 p.
19. Frey, B. S. Quantitative Erfassung der Schattenwirtschaft: Methoden und Ergebnisse Berlin / B. S. Frey, W. W. Pommerehne // Staatsfinanzierung im Wandel. — Herausgeber : Duncker & Humblot, 1983. — P. 265–293.
20. Frey, B. S. Economy as an ‘Unobserved’ Variable / B. S. Frey, H. Weck-Hannemann // European Economic Review. — 1984. — Vol. 26, № 1. — P. 33–53.
21. Géidigh, D. M. Grey Matters: Charting the Development of the Shadow Economy / D. M. Géidigh, F. Schneider, M. Blum // CESifo Working Paper. — 2016. — № 6334. — P. 60.
22. Gutmann, P. The Subterranean Economy / P. Gutmann // Financial Analysis Journal. — 1977. — Vol. 33, № 6. — P. 26–27.
23. Hart, J. K. Informal urban income opportunities and urban employment in Ghana / J. K. Hart // Journal of Modern African Studies. — 1973. — Vol. 11, № 1. — P. 61–89.
24. Helberger, C. How big is the shadow economy?: A re-analysis of the unobserved-variable approach of B. S. Frey and H. Weck-Hannemann / C. Helberger, H. Knepel // European Economic Review. — 1988. — Vol. 32, № 4. — P. 965–976.
25. ILO, Employment, Incomes and Equality: a Strategy for Increasing Productive Employment in Kenya / ILO. — Geneva : International Labour Office, 1972. — 600 p.
26. ILO, Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted by the Fifteenth Conference of Labour Statisticians / ILO. — Geneva : International Labour Office, 1993.
27. ILO, Guidelines concerning a statistical definition of informal employment, Endorsed by the Seventeenth International Conference of Labour Statisticians / ILO. — Geneva : International Labour Office, 2003.
28. Johnson, S. The unofficial economy in transition / S. Johnson, D. Kaufmann, A. Schleifer, M. I. Goldman, M. L. Weitzman // Brooking Papers on Economic Activity. — 1997. — Vol. 2. — P. 159–239.
29. Lackó, M. Hidden economy — an unknown quantity? Comparative analysis of hidden economies in transition economies, 1989–95 / M. Lackó // Economics of Transition. — 2000. — Vol. 8, № 1. — P. 117–149.
30. OECD, Measuring the Non-Observed Economy. A Handbook / OECD. — Paris : OECD Publications Service, 2002. — 250 p.
31. Sutherland, E. H. White-Collar Criminality / E. H. Sutherland // American Sociological Review. — 1940. — Vol. 5, № 1. — P. 1–12.
32. Tanzi, V. The Underground Economy in the United States: Estimates and Implications / V. Tanzi // Banca Nazionale del Lavoro. — 1980. — Vol. 33, № 135. — P. 427–453.
33. Tanzi, V. The Underground Economy in the United States: Annual Estimates, 1930–80 / V. Tanzi // Staff Papers (International Monetary Fund). — 1983. — Vol. 30, № 2. — P. 283–305.
34. Thomas, J. Quantifying the black economy: ‘measurement without theory’ yet again? / J. Thomas // The Economic Journal. — 1999. — Vol. 109, № 456. — P. 381–389.
35. Wallace, T. Working in rural Buganda: a study of occupational activities of young people in rural villages / T. Wallace // African Review. — 1973. — Vol. 3, № 1. — P. 133–178.
36. Weeks, S. G. Where are all the jobs? The informal sector in Bugisu, Uganda / S. G. Weeks // African Review. — 1973. — Vol. 3, № 1. — P. 111–132.

Сведения об авторе

Баринов Артём Сергеевич — аспирант кафедры экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. kfdaters@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 2 (436). Economic Sciences. Iss. 68. Pp. 9–20.

FEATURE OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF THE SHADOW ECONOMY IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE

A.S. Barinov

Sankt-Petersburg State University, Sankt-Petersburg. kfdaters@mail.ru

This article attempts to scientifically comprehend the accumulated literature on the problems of the shadow economy. Particular attention is paid to considering how the shadow economy has become an independent scientific field in modern scientific literature. In particular, the author investigate the shadow economy and the development of methods for the scientific understanding of this phenomenon taking into account the chronological order, the key works that have the greatest impact on the recognition of the existence. The significance of the selected works in terms of their contribution to the understanding of the shadow economy is presented. Also the author analyse the key methods for measuring the scale of the shadow economy. At the end of the article, there is a conclusion that today the shadow economy has become an independent scientific field with its own research features.

Keywords: *non-observed economy, history of the shadow economy, informal employment, informal sector.*

References

1. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market: monograph.]. Moscow, High School of Economic Publ., 2014. 535 p. (In Russ.)
2. Ivanov Yu. (2009). *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 86–95. (In Russ.)
3. *Izmereniye nenablyudayemoy ekonomiki: rukovodstvo* [Measuring Unobserved Economics: a Guide], Moscow, Goskostat, 2003. 295 p. (In Russ.)
4. Latov Yu.V. (2001) *Ekonomika vne zakona: ocherki po teorii i istorii tenevoy ekonomiki* [Outlaw economics: essays on the theory and history of the shadow economy]. Moscow, 2001. 284 p. (In Russ.)
5. Ryabushkin B.T., Churilova E.Yu. *Metody otsenki tenevogo i neformal'nogo sektorov ekonomiki* [Methods for evaluating the shadow and informal sectors of the economy]. Moscow, Publ. Finansy i statistika, 2003. 144 p. (In Russ.)
6. Saterlend E.Kh. *Yavlyayutsya li prestupleniya lyudey v belykh vorotnichkakh prestupleniyami? Sotsiologiya prestupnosti: sbornik statey* [Are white-collar crimes crimes? Sociology of crime: Digest of articles]. Moscow, Publ. Progress, 1966. (In Russ.)
7. Soto E. de. *Inoy put'. Nevidimaya revolyutsiya v tret'yem mire* [The other way. The invisible revolution in the third world]. Moscow, Publ. Catallaxy, 1995. 320 p. (In Russ.)
8. Becker G. (1968) *Journal of Political Economy*, vol. 76, no. 2.
9. Bernabè S. (2002) *Informal Employment in Countries in Transition: A conceptual framework*. London, London School of Economics, 64 p.
10. Boulding K.E. (1994) *Economica*, no. 11. pp. 55–63.
11. Breusch T. (2005) *Canadian Tax Journal*, no. 2, pp. 367–391.
12. Bromley R. (1978) *World Development*, no. 9/10, pp. 1033–1039.
13. Cagan P. (1958) *Journal of Political Economy*, no. 4, pp. 303–328.
14. Cichocki S. (2006) *Gospodarka Narodowa*, no. 1–2, pp. 37–61. (In Polish)
15. Eilat Y., Zinnes C. (2002) *World Development*, no. 7, pp. 1233–1254.
16. Feige E.L. (1979) *Challenge*, no. 5, pp. 5–13.
17. Feige E.L. (2016) *Journal of Tax Administration*, no. 1, pp. 5–41.
18. Feige E.L., Urban I. (2003) *Estimating the Size and Growth of Unrecorded Economic Activity in Transition Countries: A Re — evaluation of Electric Consumption Method Estimates and Implication*. Michigan: W. Davidson, 37 p.

19. Frey B.S., Pommerehne W.W. (1983) Quantitative Erfassung der Schattenwirtschaft: Methoden und Ergebnisse. In Buch: Staatsfinanzierung im Wandel. Herausgeber. Duncker & Humblot, 265–293 p.
20. Frey B.S., Weck-Hannemann H. (1984) *European Economic Review*, no. 1, pp. 33–53.
21. Géidigh D.M., Schneider F., Blum M. (2016) Grey Matters: Charting the Development of the Shadow Economy. *CESIFO Working Paper No. 6334*, 60 p.
22. Gutmann P. (1977) *Financial Analysis Journal*, no. 6, pp. 26–27.
23. Hart J. K. (1973) *Journal of Modern African Studies*, no. 1, pp. 61–89.
24. Helberger C., Knepel H. (1988) *European Economic Review*, no. 4, pp. 965–976.
25. ILO (1972) Employment, Incomes and Equality: a Strategy for Increasing Productive Employment in Kenya. Geneva, International Labour Office, 600 p.
26. ILO (1993) Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted by the Fifteenth Conference of Labour Statisticians. Geneva, International Labour Office.
27. ILO (2003) Guidelines concerning a statistical definition of informal employment, Endorsed by the Seventeenth International Conference of Labour Statisticians. Geneva, International Labour Office.
28. Johnson S., Kaufmann D. and et. al. (1997) *Brooking Papers on Economic Activity*, no. 2, pp. 159–239.
29. Lackó M. (2000) *Economics of Transition*, no. 1, pp. 117–149.
30. OECD (2002) Measuring the Non-Observed Economy. A Handbook. Paris, OECD Publications Service, 250 p.
31. Sutherland E. H. (1940) *American Sociological Review*, no. 1. pp. 1–12.
32. Tanzi V. (1980) *Banca Nazionale del Lavoro*, no. 135, pp. 427–453.
33. Tanzi V. (1983) *Staff Papers (International Monetary Fund)*, no. 2, pp. 283–305.
34. Thomas J. (1999) *The Economic Journal*, no. 456, pp. 381–389.
35. Wallace T. (1973) *African Review*, no. 1, pp. 133–178.
36. Weeks S.G. (1973) *African Review*, no. 1, pp. 111–132.